

УДК [81'366.58+ 81'366.59]: 82-1

Уварова Е.М.

Московский городской педагогический университет

**ИРРЕАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ М. ЦВЕТАЕВОЙ)**

Е. Uvarova

Moscow City Pedagogical University

**THE UNREAL MODALITY AND THE CATEGORY OF TENSE
IN THE POETIC TEXT (ON TSVETAEVA'S LYRIC POETRY)**

Аннотация. Статья посвящена изучению частных значений императивных и конъюнктивных конструкций, процессу взаимодействия модальной и временной семантики форм ирреального наклонения и других элементов в поэзии М. Цветаевой. Рассматриваются формы императива и конъюнктива как языковые средства дальней периферии функционально-семантического поля темпоральности.

Ключевые слова: М. Цветаева; ирреальная модальность; императив; конъюнктив; категория времени.

Abstract. The article deals with the study of private meanings of imperative and conjunctive construction, of a process of interaction of modal and temporal semantics of forms of an unreal modality and other elements in Tsvetaeva's poetry. Forms of an imperative and a conjunctive are considered as language means of the distant periphery of a functional-semantic field of temporality.

Key words: M. Tsvetaeva; unreal modality; imperative; conjunctive; the category of tense.

Модальность – это целый класс, система грамматических значений, проявляющихся на разных уровнях языка и речи [8, с. 13].

Категория [модальности] непосредственно связана с предложением и только в предложении обретает свою функциональность и динамику деривации [7, с. 26].

Категория модальности в русском языке теснейшим образом связана с категорией времени. Реальная модальность, представленная категорией изъявительного наклонения, «работает» со всеми формами времени, более того, по мнению А.В. Бондарко, именно «модальность создаёт условия для той или иной реализации темпоральных отношений» [1, с. 6]. Ирреальная модальность лишена морфологических показателей времени, однако нередко формы императива и конъюнктива оказываются способными выразить те или иные темпоральные значения, при этом лишь «сужая темпоральную перспективу», но не устраняя её как таковую [1, с. 7].

Когда говорят о возможности выражения формами ирреального наклонения временных значений, как правило, речь идёт о времени синтаксическом, а не морфологическом. «Категория синтаксического времени, – пишет Т.Е. Шаповалова, – в сопоставлении с одноименной морфологической категорией характеризуется несколькими чертами: 1) принадлежит предложению в целом, а не отдельным его элементам; 2) является его облигаторным, а не факультативным элементом; 3) содержит в себе смысловое качество, отличающееся от семантики входящих в него элементов; 4) имеет более широкие и специфические средства выражения, чем морфологическая категория» [11, с. 4].

Целью данной статьи является попытка описать некоторые формы ирреального наклонения и их контекстуальную возможность выражать временные значения. Объектом исследования выступают поэтические тексты М. Цветаевой.

«В поэзии, – пишет Н.К. Рябцева, – время изображается, переживается, переоценивается и преобразуется – отодвигается, останавливается, расширяется или сворачивается – с тем, чтобы увидеть в нём отражение человека и мира. Поэтическое восприятие времени – это вчувствование в него, его художественное осознание и освоение...» [10, с. 81].

Обратимся к раннему стихотворению М. Цветаевой «Не гони мою память! Лазурные края...» (названному по первой строчке). Поэтический текст изобилует языковыми формами, выражающими временную отнесённость: это личные глаголы, причастия, наречия времени, временной союз. Всё стихотворение строится на противопоставлении трёх временных планов: *как было* (прошедшее), *как стало* (настоящее) и *как будет* (будущее).

Как было: значение прошедшего времени реализуется за счёт глагольных форм прошедшего времени (*встречалось, не сумела*), страдательных причастий прошедшего времени (*разрушено, утрачено*), действительных причастий прошедшего времени (*минувшее, ушедшая*) и словоформ *как прежде, бывшее*.

Как стало: семантика настоящего времени реализуется глагольными формами настоящего времени (*выходим, бьётся*), словоформами *здесь, каждый вечер*.

Как будет: перспективный план представлен глагольными формами будущего времени (*прильнёшь, пригрезится, встретимся, отвечу, возникнет*), словоформами *не скоро, вновь, в мае, когда*.

Таким образом, само время оказывается как бы главным действующим лицом, лейтмотивом стихотворения.

Первое четверостишие начинается императивной формой «не гони», реализующей

не столько волеизъявление, сколько значение просьбы, желания. Отрицание вносит в систему повелительного наклонения новые семантико-экспрессивные оттенки, а именно значение «желательного» запрета:

*Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнёшь ты к серебряной чаше.*

Представляется возможным говорить о том, что формы повелительного наклонения «не гони» и «будь правдивым» контекстуально отнесены к настоящему времени. Каким образом? Названные императивные формы соседствуют с глагольными формами прошедшего времени – «встречалось» и будущего времени «прильнёшь» – и находятся в оппозиции к ним. Значения императивных форм тесно связаны с моментом речи лирической героини и прочитываются как: «Не гони мою память» сейчас, ведь были «лазурны края, // Где встречалось мечтание наше», «будь правдив», потому что в будущем «не скоро с такою, как я, // Вновь прильнёшь ты к серебряной чаше». Временные наречия «не скоро» и «вновь», употребляясь в одном контексте с формой простого будущего времени «прильнёшь», также указывают на отнесённость действия к плану будущего.

Надо сказать, что формы будущего времени изъявительного наклонения связаны с семантикой гипотетичности [6; 3]. Говорящий надеется увидеть осуществлённым в будущем то действие, которое названо глагольной формой. «Будущее событие может мыслиться как предполагаемое, связанное с наличием определённых условий, как желаемое, необходимое, обязательное, совершения которого требуют. Иными словами, в сфере будущего времени теснейшим образом переплетаются две важнейшие категории, конституирующие предикативность: синтаксическое время и синтаксическая модальность» [11, с. 60].

Формы будущего времени в стихотворении М. Цветаевой реализуют значение же-

лания, необходимости того, о чём говорится, передают внутреннее ожидание лирической героини:

*Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;*

В 3-й, 4-й строфах стихотворения узуально-характеризующее время оказывается перенесенным в ирреальный, воображаемый мир лирической героини:

*Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.*

*Чуть завизжу знакомый вдали силуэт, -
Бьётся сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.*

Это грезы...

В 5-й и 6-й строфах императивные формы «не гони», «кивни», «вспомни» контекстуально выражают значение будущего времени. Семантика будущего времени создаётся контекстом: речь лирической героини, адресованная своему бывшему возлюбленному, обращена в будущее, она просит его понять и принять её решение:

...
*Но проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.*

*И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы былого напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.*

Императивные формы от глаголов совершенного вида («кивни», «вспомни») «обозначают действие, отнесённое к плану будущего» и реализуют «чисто желательное значение» [5, с. 122]. Временной союз *когда* участвует в выражении значения последовательности: событие главной части предложения (содержащей императивы «кивни», «вспомни») следует за событием, описанным в придаточной части (*И когда он возникнет*

в вечерней тени...). Таким образом, можно говорить о том, что данные императивные формы имеют проспективную временную направленность. Точкой отсчёта в этом случае становится один из этапов предполагаемого, но ясно увиденного лирической героиней будущего времени.

Формы повелительного наклонения, «ориентированные на будущее поведение исполнителя» [11, с. 65], тесно связаны с семантикой будущего времени. Однако, когда речь идёт о непосредственной последовательности событий, границы настоящего и будущего времён оказываются размытыми. Так, во 2-м стихотворении «Скоро уж из ласточек – в колдуньи!» (1921) из цикла «Молодость» волеизъявление, характеризующее действие, на первый взгляд, как отнесённое к плану будущего, становится актуальным только в момент речи адресанта, здесь и сейчас: –

*Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...*

формы повелительного наклонения, которые можно рассматривать и как призыв к совершению совместного действия, «заклучаются» в строго определённые временные рамки: *скоро* молодость пройдёт – *накануне* должны проститься. Действие, названное императивной формой, должно быть реализовано сразу после слов лирической героини – и ни минутой позже. *Полыхни, утешь, спляши, полосни* сейчас, пока ещё есть время:

...
*Постоим с тобой на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!*

*Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!*

*Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! ...*

Первые 3 строки 4-й строфы «подготавливают почву» для выражения самой главной мысли стихотворения. И если первые строки

строфы свидетельствуют о некоторой растерянности лирической героини: «*Неспроста руки твоей касаюсь, // Как с любовником с тобой прощаюсь*» <...>, то последние – «*Вырванная из глубин – // Молодость моя! – Иди к другим!*» – звучат совершенно иначе. Об этом говорит глагол «*иди*» – форма повелительного наклонения, выражающая категоричность волеизъявления, решимость. Приказы лирической героини, её просьбы, пожелания, не нашедшие отклика, теряют свой смысл и актуальность. Все, о чём она просит, будет потом, когда-то, но уже не с ней.

Теперь рассмотрим пример употребления в поэтическом тексте форм сослагательного наклонения и попытаемся описать возможность данных форм давать определённую темпоральную характеристику событиям и фактам.

В стихотворении М. Цветаевой «Я сейчас лежу ничком» (1913) почти в каждой строфе встречаются конъюнктивные формы. Наиболее ярко выражена темпоральная отнесённость в первых двух строфах:

*Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,*

*Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? ...*

В этих строках формы сослагательного наклонения реализуют семантику будущего времени. Противопоставление реальности и гипотетичности происходит на уровне временных характеристик: *сейчас – если бы – в тот же миг*. Интересно, что состояние лирической героини полностью зависит от действий адресанта, который при определённых условиях становится каузатором: *лежу – захотели быть учеником – встала*. Синтаксическая конструкция с союзом *если* относится к предложениям, выражающим значение обусловленности, где «соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость другой» [9, с. 562]. Нереально-

условная ситуация (обе не соответствуют действительности) для лирической героини мыслится как потенциально возможная и даже необходимая. «Условие можно рассматривать как возможную или необходимую причину события-следствия» [4, с. 365].

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что конъюнктивные формы «*Если бы Вы захотели быть учеником*» – «*Я бы стала в тот же миг*» реализуют значение непосредственного следования. «Употребление глагола совершенного вида в форме сослагательного наклонения также способствует восприятию гипотетического события, отнесённого к будущему» [11, с. 64].

Ещё один пример – стихотворение «Не любовницей – любимицей...» из цикла «Вячеславу Иванову» (3, 1920). Временная локализованность стихотворения – настоящее время. Это значение реализуется за счёт глагольных форм настоящего времени (*говорю, думаю, клянусь*) и окказиональных деепричастий несовершенного вида (*утыкаячись, не вздыхаючи, не млеючи, не смеючи*), выражающих полную одновременность осуществления действий глагола-сказуемого и дополнительных процессуальных действий. Предложение с конъюнктивной формой оказывается вовлечённым в сферу настоящего (художественного) времени:

*– Если б знал ты, как божественно
Мне дышать, –дохнуть не смеючи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего!*

Т.Е. Шаповалова пишет: «Темпоральная отнесенность к настоящему времени находит выражение при функционировании форм сослагательного наклонения с модальным значением предположительного условия или возможности» [11, с. 63]. Значение условия реализуется за счёт синтаксической конструкции с союзом «если».

Проанализированный нами материал доказывает, что «темпоральность – это <...> двустороннее единство темпоральной семантики и системы равноуровневых средств её

выражения, т. е. функционально-семантическое поле» [2, с. 66], а формы повелительного и сослагательного наклонений, синтаксические конструкции с модальным значением, имплицитно отнесенные к настоящей ситуации к настоящему или будущему, можно характеризовать как основные типы языковых средств дальней периферии этого поля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2001. – 260 с.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
3. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: ИРЯ РАН, 2004. – 544 с.
5. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – 456 с.
7. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – 187 с.
8. Петров Н.Е. О содержании и объёме языковой модальности. – Новосибирск: Наука, 1982. – 160 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис. – М., 2005. – 712 с.
10. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 352 с.
11. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке. Монография. – М.: МПУ, 2000. – 151 с.